Р. ГАЙДА

<«Колчак был слабым человеком, подверженным время от времени болезненным приступам переходов от подавленности к излишнему волнению, что ужасно истощало его физически и душевно»>

Впервые я встретил адмирала Колчака в конце сентября 1918 года в чехословацком штабе во Владивостоке, куда я только что приехал после объединения моих войск с японскими на реке Онон. Мне нужно было переговорить со множеством людей о важных проблемах. Мне сказали, что вице-адмирал Колчак хочет поговорить со мной. Я слышал о его деятельности, его твердая антибольшевистская позиция была известна всей России, и мне было очень интересно встретиться с ним.

Первое впечатление было совершенно неопределенным. Среднего роста, худощавый, нервный, гладко выбритое лицо, короткие волосы, глубоко запавшие глаза и заостренный орлиный нос, стремительный взгляд. Казалось, что адмирал, которому было, вероятно, около 45 лет, физически очень устал, что казалось мне большим его недостатком, так как внешний его облик мешал ему производить на окружающих сильное впечатление. Мне почему-то запомнилась его мягкая шляпа с широкими полями, придававшая ему несколько пролетарский вид. После нескольких общих слов разговор сразу же повернул в политическое русло. Глубоким грудным голосом адмирал начал объяснять мне свое понимание ситуации в Сибири. Он говорил об отсутствии единства в стране, о мелких политических распрях, обвиняя правых и левых радикалов в неспособности договориться. В то же время он говорил о необходимости твердого правительства, которое было бы при этом достаточно демократичным. По многим пунктам я был с ним согласен. Свою идею о твердой власти он развил далее в мысль о личной диктатуре, и прямо сказал, что считает неизбежным переход власти в мои руки. «Вы единственный человек, имеющий на своей стороне армию. Только ваши приказы могут быть исполнены. За вами — сила»[1].

Где-то через три дня мы снова встретились с адмиралом Колчаком, и на этот раз он указал, что хотел бы занять в моем правительстве какой-

нибудь пост, скорее всего, административный. Я обещал ему выполнить его просьбу. На другой день я уехал с моим штабом на запад. Адмирал Колчак, который хотел поехать со мной, не успел собраться и пообещал приехать, как только закончит свои дела. Однако прошло довольно много времени, а у меня не было никаких вестей об адмирале Колчаке. Когда я уже был в Екатеринбурге и под Кунгуром, я получил от него телеграмму о том, что он находится в Омске, где ему предлагают место морского министра. Он спрашивал моего совета, как ему поступить. Я ответил, что ему лучше будет принять решение самостоятельно, так как я слабо знаком с особенностями предлагаемого ему поста. Я был очень удивлен, когда вскоре получил официальное сообщение о том, что адмирал Колчак был назначен Временным правительством Сибири военным министром.

С адмиралом Колчаком, как военным министром, я виделся только два раза, но, к несчастью, эти встречи сыграли значительную роль в реализации его тайных замыслов и привели меня к фатальной ошибочной идее не сопротивляться установлению его диктатуры. Сибирская армия (я говорю об армии, состоящей из русских, а не о чехословацких войсках в Сибири) была мне абсолютно преданна, и Колчаку предстояло убедить меня, что я не направлю свои войска против его сторонников. Первая встреча состоялась на празднике вручения знамен полкам 2-й чехословацкой дивизии в Екатеринбурге. Наша беседа походила на ту, что состоялась во Владивостоке, за исключением того, что на этот раз адмирал не предлагал мне того, чего теперь хотел добиться для себя. В своих ответах я обрисовал ситуацию в такой форме, из которой Колчак мог заключить, что я не собираюсь стоять у него на пути. Вскоре после этой встречи полковник Лебедев приехал в Екатеринбург и откровенно поговорил со мной о неудовлетворенности вооруженных сил возникшей политической ситуацией. Он говорил о необходимости создания сильного правительства и отметил, что дальше так продолжаться не может. «Недопустимо, чтобы погибло дело спасения страны», — сказал он. Полковник показал мне привезенный им из Омска список кандидатов, которых предлагали военные круги. Среди них были генералы: Иванов-Ринов, Дутов, Болдырев, Хорват, Дитерихс, атаман Семёнов и адмирал Колчак. Я не помню точно, в каком порядке были названы имена, но уверен, что имя адмирала было упомянуто последним. Пересмотрев список, я сказал полковнику Лебедеву, что если диктатура неизбежна, я полагаю, что Колчак — самый подходящий из всех перечисленных кандидатов. Генерал Болдырев был на мой взгляд слишком слабовольным, а все остальные были известны как люди ярко выраженноо анархического склада. Мне не совсем было ясно политическое кредо Колчака, но я вспомнил его слова о том, что правительство должно

быть твердым, но в целом центристским и демократическим. Я верил в честность замыслов Колчака, в его либерализм. Полковник Лебедев уезжал с легким сердцем, поскольку не нашел во мне противника, так как в Омске все хорошо понимали, что им будет трудно идти против сибирской армии.

При нашей следующей встрече все разъяснилось. Колчак приехал с готовым решением, но хотел услышать мое мнение. Поскольку разговор был совершенно открытым, я высказал его прямо. Я не видел никакого улучшения в политической ситуации в стране. Директория не дала ничего нового в смысле борьбы с большевиками. Опыт прошлого никого ничему не научил. Идет борьба политиканствующих партий, все жаждут признания и славы, чтобы вернуться к власти и реализовать свои личные интересы — вот такое у нас сейчас правительство. И я не вижу авторитета, который однозначно смог бы удовлетворить интересы всех. Пока враг организовывался, усиливался, пока с ним можно было справиться, объединив все силы, мы вместо этого тратили время на партийные распри и расходовали свои и без того небольшие силы. Всем надоела неопределенность; все хотели в конце концов доверять кому-то и вручить под его руководство свои силы. Все видят неизбежность смены бессильного правительства. Пример большевистских успехов, которые объясняются исключительно суровым, даже жестоким характером власти, диктатура Троцкого еще более усиливают убеждение в необходимости как можно скорее расстаться с политической неопределенностью и перейти к решительным шагам.

Я полагал и был полностью убежден, что только диктатура может спасти страну, но диктатура временная, которая продлится до тех пор, пока враг не потерпит поражение. Первым и неизбежным условием этой диктатуры было то, что временный правитель был популярным человеком, стоящим за рамками всех партий и над ними. Его независимость должна быть очевидной для того, чтобы демократические круги, которые были особенно жестко настроены против идеи диктатуры, не могли иметь ничего против его личности.

Адмирал Колчак спросил меня, окажу ли я ему помощь в качестве командующего Сибирской армией, или, по крайней мере, не стану ли ему мешать, если его объявят Верховным правителем. Выслушав все доводы адмирала, я возразил ему по нескольким пунктам. Прежде всего, я был против того, чтобы будущий диктатор носил титул Верховного правителя. Мне казалось самым подходящим названием «Верховный главнокомандующий» с правами диктатора, что должно было указывать на временный характер переворота. Далее я вернулся к своей возможной роли в перевороте. «Я генерал Чехословацкой армии, —

сказал я, — и поэтому я не имею права вмешиваться во внутренние дела вашей страны, но что касается подчиненных мне русских войск, то я обещаю вам, что армия останется нейтральной. Армия находится на фронте и в тяжелейших условиях борется с большевиками, поэтому было бы преступлением втягивать ее в политическую игру. Я не допущу в ее рядах никакой агитации ни за диктатуру, ни против нее. Позволю волноваться за ее диктатуру и против нее. Моя поддержка будет заключаться в том, что я не буду приказывать офицерам и солдатам своих частей признать вас диктатором... Но если такое признание произойдет фактически, мы останемся нейтральными».

Адмирал Колчак был доволен этим результатом и отправился в Челябинск, чтобы поговорить с генералами Сыровым и Дитерихсом, в частности, о поддержке со стороны Западной армии. Несколько дней спустя, 18 ноября, Сибирь узнала об аресте Директории и провозглашении адмирала Колчака верховным правителем. Скорость, с которой были реализованы планы омских политических кругов, очень меня удивила. А способ, которым был осуществлен переворот, должен был вызвать большое недоверие в отношении нового правительства. <...>

С отклонением моего требования я не согласился и стал настаивать на его выполнении. Адмирал снова разразился бурным гневом, поэтому я был вынужден оставить его одного на два часа. Затем я снова явился к нему. Однако адмирал снова начал вести себя как безумный и, наконец, заявил, что, если я покину фронт со своими войсками без его разрешения, он будет считать нас дезертирами, со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому я сообщил ему, что возвращаюсь в Екатеринбург и обращаюсь в этом вопросе к посредничеству чехословацкого командования и генерала Жанена[2]. Мой поезд уже был готов к отбытию, когда ко мне прибыл на автомобиле специальный посланец адмирала Колчака с просьбой, чтобы я еще раз вернулся к адмиралу, так как у него есть интересные новости для меня.

Когда я снова вошел в кабинет адмирала, у него находился глава правительства г-н Вологодский. На письменном столе адмирала лежала стопка газет, перевязанная толстой красной лентой. Газеты принес прямо передо мной генерал Лебедев. Адмирал сказал мне, что, согласно газетным сообщениям, генерал Деникин и генерал Юденич официально признали его Верховным правителем и что генерал Юденич формирует стотысячную армию против большевиков. «Вы скажите мне сейчас в присутствии господина премьер-министра, — продолжил далее адмирал, — настаиваете ли вы до сих пор, чтобы я освободил вас от командования?»

«Так точно, я не могу иначе».

«Посмотрите, что про вас пишут, это скандал», — сказал адмирал, указывая мне на подчеркнутые статьи в омских и других газетах, расписывающих в подробностях мой конфликт со Ставкой в таком духе, как будто виноват был именно я. В то же время он вручил мне телеграмму, которую собирался послать моему заместителю генералу Богословскому[3]. Она имела следующее содержание: «Местные издания на территории, подчиненной командующему Сибирской армии, в особенности екатеринбургские «Отечественные ведомости» и «Наш Урал», приняли избыточно левый курс. Чем занимается цензура? Я предупреждаю, что, если эта политика не прекратится, публикации указанных изданий будут запрещены, а «екатеринбургские политиканы» будут высланы».

Адмирал Колчак заявил, что он не дает мне отставки, но только отправляет в отпуск с правом выезда за границу, где я мог бы быть вылечен от «эсеровщины», как он выразился. Я должен немедленно отправиться на фронт, где должен буду два-три дня подождать телеграфного сообщения о сдаче мною командования. На мой вопрос, не стоит ли мне передать его следующему по старшинству генералу Пепеляеву, адмирал снова вспыхнул. «Ни за что! Передадите командование генералу Богословскому». <...>

Мы остались с адмиралом наедине. Я заметил ему, что, как мне представляется, итогом последних оперативных распоряжений Ставки станет скорое взятие большевиками Екатеринбурга. Адмирал был прямо взбешен и заявил мне, что реорганизация боевого управления необходима, на что я ответил ему: «Я могу заверить вас, что вы не просто не удержите Екатеринбург, но также потеряете Челябинск, Тюмень, Омск и, наконец, всю Сибирь, если вы не измените государственную систему и политику, поскольку вы уничтожаете все то, что было достигнуто благодаря великим жертвам. Армия разваливается, а в тылу творятся произвол и анархия».

Колчак не позволил мне закончить: «Я сам прекрасно знаю, что делать. Оставьте это мне, я буду иметь дело с большевиками и всеми теми, кто против меня, за это я несу ответственность. Вы не понимаете ситуацию и русских. Кроме того, никто этого не может вам сказать, кроме меня, если уж вы не знаете, что у вас нет достаточной военной подготовки для командующего войсками». Все было произнесено агрессивным тоном.

«А я должен вам сказать, Ваше высокопревосходительство», — ответил я, «что я и, правда, не заканчивал военной академии, но я прошел через все ступени командной практики, начав с солдата и командира взвода и закончив командующим армией. Я удивлен, что вы, зная об этом раньше, столь настойчиво просили генерала Штефаника[4], чтобы он позволил мне перейти в вашу армию и взять на себя ее командование.

С тем же основанием я мог бы сказать вам, что ваше военное образование морское, а не сухопутное. Вы не имеете достаточной теоретической подготовки для командования армиями и управления целой империей, поскольку есть большая разница между командованием несколькими корабликами и управлением империей и армиями».

Адмирал начал кричать, угрожая мне расстрелом. Я сказал ему, что это будет не так-то просто сделать, как ему кажется, и если он не имеет намерение обвинить меня в чем-то, то пусть делает это прямо сейчас, а не у меня за спиной. Он ответил: «Вы можете спокойно уезжать, я не имею ничего против вас лично и ни в чем вас не обвиняю». Тем и закончился наш разговор. Я ознакомил адмирала со своим приказом, отзывающим из русской армии всех чехословацких офицеров и солдат, которых я привел туда.

Так мы расстались с адмиралом Колчаком, который тем же вечером уехал в Омск. На следующий день, 8 июля, я был освобожден от командования. 9 июля к полудню я сдал дела. По телеграфу я распрощался с генералом Пепеляевым, предупредив его о надвигающейся опасности быть отрезанным в тылу от магистрали, а вечером я выехал со своим штабом, 30 чехословаками личной охраны, русской ротой добровольцев и частью своего конного конвоя через Омск во Владивосток. <...>

Колчак был слабым человеком, подверженным время от времени болезненным приступам переходов от подавленности к излишнему волнению, что ужасно истощало его физически и душевно. По словам его близкого друга флотского капитана Ладыженского[5], это было результатом нервных срывов, начавшихся еще в бытность его командующим Черноморским флотом. По имеющимся данным, адмирал Колчак мужественно встретил свой приговор. Когда офицер его штаба сообщил ему, что он может быть выдан, адмирал потребовал, чтобы чехословаки сказали ему об этом прямо, и сам пошел через коридор своего вагона навстречу чешскому офицеру. Когда тот подтвердил это сообщение, адмирал, указывая на множество союзных флагов, которыми был завешан его вагон, иронически спросил: «Так зачем эта комедия?» Японский отряд, стоявший неподалеку на станции, молча наблюдал, как адмирал Колчак и его приближенные были отведены в тюрьму. Перед расстрелом Колчак попросил только о том, чтобы ему дали помолиться.